

Е.А. Комарова. – Иваново : [б.и.], 2010 [электрон. ресурс. – Режим доступа: http://www.ceninauku.ru/info/page_15881.htm (дата обращения: 12.01.2013).

Мандельштам О. Ленинград / Осип Мандельштам // Мандельштам О. Соч. : в 2 т. – Т. 1 : Стихотворения. – М., 1990. – С. 168.

Мандельштам О. Египетская марка / Осип Мандельштам // Мандельштам О. Соч. : в 2 т. – Т. 2 : Проза. – М., 1990. – С. 59-88.

Маслова А.Г. Поэтика хронотопа в раннем творчестве Б. Пастернака : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Г. Маслова. – Киров : [б.и.], 2003 [электрон. ресурс. – Режим доступа: <http://www.dissert.ru/contents/93464.html> (дата обращения: 10.11.2012).

Ноева С.А. Особенности хронотопа романов И.М. Гоголева : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.А. Ноева. – Якутск : [б.и.], 2006 [электрон. ресурс. – Режим доступа: <http://old.ysu.ru/avtoreferat/noeva-se.pdf> (дата обращения: 24.11.2012).

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «ИТИ Технологии», 2008. – 944 с.

Тамарченко Н.Д. Хронотоп / Н.Д. Тамарченко // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий. – М., 2008. – С. 287-288.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ ЛЕКСИКИ В СТИХОТВОРЕНИИ И. БРОДСКОГО «ПИСЬМО В БУТЫЛКЕ»

А.И. Колистратова

*Научный руководитель: И.В. Романова,
доктор филологических наук, профессор (СмолГУ)*

Основной проблемой нашей работы является выявление языка науки в поэзии И. Бродского и определение его функции. Появление научной лексики в поэзии всегда маркировано. Если в небольшой нише, так называемой научной поэзии (вроде эпистолы Ломоносова «О пользе стекла»), соответствующая лексика вполне органична, то в лирике ее появление может восприниматься как нечто инородное, диссонирующее. Однако тем больший интерес вызывает функционирование такой лексики.

Мы взяли для анализа одно из наиболее значительных произведений Бродского «Письмо в бутылке» 1964 г. [Бродский 2011: 653]. В 1964 г. Бродского арестовали по обвинению в тунеядстве. На втором заседании суда он был приговорен к максимально возможному по данному обвинению наказанию – пяти годам принудительного труда в отдаленной местности. Он был сослан в Коношский район Архангельской области и поселился в деревне Норенская. Тем не менее, по словам Бродского, больше, чем клевета, последующий арест, суд и приговор, его мысли занимали в то время измена возлюбленной – Марины Басмановой – с его другом Дмитрием Бобышевым и разрыв с ней. На этот период приходится попытка самоубийства. В конце октября М.Б. навещает поэта в Норенской. Неожиданно за ней приезжает Бобышев. Разыгрывается

тяжелая сцена. М.Б. и Бобышев уезжают вместе, оставив Бродского страдать из-за разлуки и ревности [Лосев 2006: 107]. Тут же в ноябре Бродский пишет большое стихотворение «Письмо в бутылке» с посвящением М.Б., с подзаголовком «Entertainment for Mary» («Развлечение для Мэри») – послание к далекой любимой погибающего в море лирического героя.

В первую очередь, обращает на себя внимание заглавие стихотворения. Феномен письма в бутылке известен еще с древних времен. Послание в бутылке, или бутылочная почта, – древний способ отправки сообщений адресату. Первый раз подобный вид связи был использован в научных целях. Легенда гласит, что греческий философ Теофраст примерно в 310 г. до н.э. бросил за Гибралтаром несколько запечатанных сосудов с записками, чтобы доказать, что вода в Средиземное море поступает из Атлантического океана. Спустя несколько месяцев один из сосудов был найден на Сицилии. С той поры в истории описано множество случаев использования бутылочной почты.

Не остался незамеченным данный феномен и в литературе. В романе Жюль Верна «Дети капитана Гранта» герои находят внутри акулы бутылку с просьбой о помощи. Один из первых рассказов Эдгара По назывался «Рукопись, найденная в бутылке». В детском рассказе Говарда Лавкрафта, который называется «Маленькая стеклянная бутылка», герои находят таинственное послание в бутылке, плавающей в море.

Бродский рассказывает о кораблекрушении, которое терпит в открытом море его лирический герой. Он пишет письмо-признание, которое можно расценить как предсмертное послание на «большую землю». Примечательно, что герой этого стихотворения – моряк, воплощение юношеской мечты Бродского. Его отец служил на флоте и после демобилизации работал в фотоотделе Военно-Морского музея, изученного сыном до мельчайших подробностей. Состояние здоровья не позволило Бродскому осуществить эту профессиональную мечту. Корабельную тематику в стихотворении поддерживает навигационная терминология: *Норд-Норд, Вест, бушприт, трехмачтовик, воронье гнездо, лоцман*.

Это пронзительное по своему лиризму стихотворение о любви и смерти в то же время можно рассматривать как краткий курс истории мировой науки. Как возможно совместить такие несовместимые темы?

В стихотворении четко прослеживаются три части.

Первая состоит из трех строфоидов (строфоидами мы называем промежуточную форму между строфическим и астрофическим стихом; метрически или ритмически замкнутые, но нетождественные группы стихов (неравного объема, различной рифмовки и т.д.). Это морские

впечатления и рассуждения о курсе корабля и курсе человеческой жизни. Лирическое повествование ведется отстраненно, с позиции третьего лица. И лишь в конце части появляется «я» героя: *И я, как витязь...* Точка зрения на мир и на жизнь здесь отнюдь не дилетантская. В субъекте повествования видна склонность к аналитическому мышлению, к объяснению вопросов бытия с естественнонаучной позиции.

Бродский предлагает читателю свое видение основных направлений жизни человека: *вперед, назад, вектор*. При этом модальное слово *вероятно* подчеркивает субъективность позиции лирического повествователя.

Герой находится на корабле, и, потеряв направление, пытается ориентироваться по банальным *вперед* и *назад*. Вместе с темой ориентации в пространстве и – шире – в жизни впервые появляются математические термины *вектор* (*его изобрели ...так как часто плывут корабли, на всех парусах спеша*) и *прямой угол* (*поплыть под прямым углом – все равно упрешься в страсть*).

Вектор – это математический термин, обозначающий направленный отрезок. Термин «вектор» обыгрывается Бродским с разных сторон: 1) направление в пространстве; 2) указующий перст, задающий направление человеческой жизни; 3) гарпун как образ орудия смерти; 4) духовное направление между *Добром и Злом*; 5) *нечто бесплотное, как душа*.

Подвергающимся опасности мореплавателям противопоставляется тот, кто – по Цельсию – спит в тепле... Адерс Цельсий – шведский астроном, геолог и метеоролог. Предложил шкалу измерения температуры. Бродский упоминает Цельсия, демонстративно подчеркивая свой объективный, естественнонаучный подход: корабль с героем плывет на Норд-Норд (на север, в холод), а где-то далеко безмятежно спят в тепле. Эта объективность оборачивается издевкой над комфортом. *А тот, кто – по Цельсию – спит в тепле, с цезием в пятке... – пинает носком покрывало звезд*.

Поэт говорит о том, что природа человека несовершенна, в каждом имеется изъян, который неминуемо разрушает человеческую сущность изнутри. Такой изъян Бродский метафорично соотносит с радиоактивным металлом – цезием, который также обладает свойством медленного разрушения. Цезий в пятке – образ Ахиллесовой пяты, уязвимого места. Преимущество перед таким пассивным персонажем имеет тот, кто пусть и кружит, потеряв ориентир, но сам по себе поиск выхода – уже прогресс. Так, свободный выбор курса на жизненном пути становится важным мотивом первой части.

Герой делает свой выбор, аналогичный сказочному «коня сохранить, а живот сложить», выбирает честный прямой курс на Норд-Норд. Он с

сожалением отдает себе отчет в том, что есть границы в порыве к совершенству, которые человеку диктует его земное бытие. В объяснении этих порывов и невозможности их абсолютного достижения наука борется с искусством: дух героя рвется вверх, но, увы, *паруса не заменяют крыл, хоть сходство в стремлениях этих двух еще до Ньютона Шекспир открыл.*

Науку представляет Исаак Ньютон – автор фундаментального труда «Математические начала натуральной философии», в котором он изложил закон всемирного тяготения и три закона, ставшие основой классической механики. Однако пальма первенства в открытии законов притяжения и преодоления оных принадлежит не физике, а искусству. Искусство представляет Уильям Шекспир – один из самых знаменитых драматургов мира. Бродский вспоминает великого классика, Шекспира, который *открыл* психологию высоких духовных человеческих порывов. Паруса и крылья вещественно воплощают возможность преодоления земного притяжения. Выбрав опасный путь, герой оказывается в беде: его корабль натывается на риф, повреждает бок и медленно начинает тонуть. Осознание героем неизбежности гибели играет роль своеобразной завязки лирического сюжета.

Далее читатель ждет, какова будет реакция героя, в каком направлении потекут его мысли, что составит основное содержание его последнего «письма в бутылке».

И тут неожиданно вся вторая часть этого большого стихотворения, самая объемная, – десять строфоидов – превращается в историю науки в кратком изложении. Герой мысленно обращается к самым разным выдающимся ученым, тем самым подводя итог основных интеллектуальных достижений человеческой цивилизации. Весь пафос этого научного перечня заключается в том, что герой отчаивается и приходит к выводу, что обречен, и ни одно открытие, ни весь научный прогресс не в силах ему помочь. Он вынужден гибнуть – *плавающий гроб* идет ко дну. Еще более трагичным ему представляется невозможность соединения с той, к которой он обращает свою прощальную речь в надежде развлечь ее своим остроумием и после своего ухода. Трагическая ирония звучит в оценках, данных гибнущим героем всему тому, чем искренне гордятся живые.

Третий строфоид начинается с обращения к известным физикам: Ньютону, Морзе, Попову, Эйнштейну, Фарадею, Маркони, Эдисону. Сэмюэл Финли Бриз Морзе – американский изобретатель, физик. Наиболее известное его изобретение – электромагнитный пишущий телеграф (аппарат Морзе). Конец близок – герой вспоминает ученого Морзе, который придумал условные знаки просьбы о помощи,

подаваемые посредством звуков, известных как азбука Морзе. Герой уже настолько слаб, что стук его зубов напоминает ему ту самую азбуку, которая уже не поможет.

Александр Степанович Попов – русский физик и электротехник, профессор, изобретатель радио. Гульеррмо Маркони – итальянский радиотехник, один из изобретателей радио. Здесь поэт еще верит в спасение *и на азбуке Морзе своих зубов* призывает *профессора Попова и господина Маркони* на помощь, надеется на физику, ее достижения «взывает» к известным изобретателям радио, желая, чтобы о его беде узнал весь мир, подобно тому как радио оповещает всех о трагичных новостях. В его «взывании» кроется надежда на спасение. И призывает он обоих. Попов изобрел радио в России, а Маркони в Италии. Поэт хватается за обе соломинки – лишь бы его услышали, не здесь, так за рубежом.

Прощай Эдисон, повредивший ночь... Томас Альва Эдисон (1847-1931) – американский изобретатель электрической лампы накаливания. Электрическая лампа Эдисона «повредила ночь». В этом словосочетании, стоит обратить внимание на корень слова *повредила* – **вред**. Изобретение Эдисона – это вторжение в естественный ход событий в природе. Создание света – это иллюзия жизни, всего лишь жалкая попытка подражания. Но это не сама жизнь, человек не в силах продлить жизнь и остановить смерть.

У героя начинается забытие, пограничное состояние между реальностью и миражом: *И разум шепчет, как верный страж,/ когда я вижу огонь-мираж...* Герой понимает, что ему уже не увидеть света, – так постепенно теряется надежда.

И снова тема надежды сменяет прощание. Вслед за Эдисоном, словно в порядке перечисления, следуют: *Прощай, Эдисон, повредивший ночь./ Прощай, Фарадей, Архимед и проч./ Я тьму вытесняю посредством свеч, / как море – трехмачтовик, давший течь.*

Фарадей – английский физик, химик. Архимед – математик, физик. Герой прощается с Фарадеем и Архимедом, упоминая при этом их значимые открытия, круто изменившие жизнь человека, которые могли бы помочь и ему, но в данном положении и они бессильны. Герой обесценивает их вклад в развитие цивилизации, с горьким сарказмом.

Четвертый строфоид герой начинает с повторной констатации факта, что пропорот бок и при этом залив глубок. Герой вспоминает первого носителя стигматов святого *Франциска Ассизского* и пробоину в корабле воспринимает как стигмат. Так появляется тема религии. Оказавшись на краю гибели, вспоминает Бога: *наш лоцман – Бог*. Он и есть для него путеводитель.

Начался прилив. И это ещё больше усугубило положение: *И право, не нужен сверхзоркий Цейз./ Я вижу, что проиграл процесс... Цейз* – создатель сверхзорких линз. Даже и без таких линз приближающаяся смерть видна поэту. Это означает, что гибель очевидна и бесповоротна. Свое стремление выжить он называет *проигранным процессом*. И его силу сравнивает с желанием язычника спать с женой.

Вода, как я вижу, уже по грудь,/ и я отплываю в последний путь./ И, так как не станет никто провожать,/ хотелось бы несколько рук пожать. Читатель ждет, что далее наш герой будет обращаться к самым близким ему людям. Тем самым создается эффект обманутого ожидания: герой обращается вовсе не к ним.

Пятый строфоид начинается с прощания с Фрейдом: *Доктор Фрейд, покидая Вас,/ сумевшего (где-то вне нас) на глаз/ над речкой души перекинуть мост,/ соединяющий пах и мозг.* Зигмунд Фрейд – австрийский психолог, психиатр и невролог, основатель психоаналитической школы, автор учения о бессознательном. Согласно Фрейду, у человека нет души и все действия мозгу диктует пах – знаменитая теория о том, что человеком движет либидо. Лирический герой осмеивает выводы ученого, говоря, что Фрейд пришел к таким выводам «на глаз», т.е. не беря во внимание духовную сторону человеческого бытия и основывался лишь на физиологической части.

Герой вспоминает об известных химиках и математиках, называет их *сыщиками щедрот природы*: Ньютон, Бойль-Мариотт, Кеплер – *...полагаю, приснитесь мне*. Бродский использует сон как метафору смерти. И герой на том свете, или, как он говорит, *во сне*, надеется встретиться с ними: *Прощай, природа сама и ее/ щедрот сыщики: Ньютон, Бойль-Мариотт,/ Кеплер, поднявший свой лик к Луне, –/ Вы, полагаю, приснились мне.* Бойль-Мариотт – химик, который открыл один из основных газовых законов. Иоганн Кеплер – немецкий математик, астроном, оптик и астролог. *Поднявший свой лик к луне*, Кеплер, по Бродскому, осмелился «изучать просторы вселенной». Исаак Ньютон – английский математик, физик и астроном. Вместе с тем слова *Вы, полагаю, приснитесь мне* можно воспринимать и так: все ваши открытия для меня теперь – сон, мираж, иллюзия.

Затем герой обращается к еще одной царице наук – биологии – и упоминает две фамилии ученых – Дарвина и Менделя. Они *персонажи сна*: одновременно и создатели той же иллюзии, и мертвые (сон снова выступает метафорой смерти для поэта). *Мендель в банке и Дарвин с костями/ макак, отношения мои с людьми,/ их возраженья, зима, весна,/ август и май – персонажи сна.* Грегор Иоганн Мендель – австрийский биолог и ботаник, сыгравший огромную роль в развитии представления о

наследственности. Он открыл закономерности исследования моногенных признаков – это был первый шаг на пути к современной генетике. Итак, герой видит Менделя в *банке*. Он фактически приравнивает его к материалу, с которым тому приходилось работать во время опытов в области генетики. Такого рода материал обычно хранят в сосудах, наполненных формалином. В такой же сосуд Бродский «помещает» новый экспонат – Менделя.

Чарльз Роберт Дарвин – английский натуралист, биолог и путешественник, который одним из первых осознал и наглядно продемонстрировал, что все виды живых организмов эволюционируют во времени от общих предков. Упомянув Дарвина, поэт лишь высмеивает его теорию, согласно которой, человек произошел от обезьяны. Бродский выворачивает его теорию, издевается и, снижая лексику, иронически подменяет одно понятие другим – обезьян на макак, тем самым намекая на происхождение человека от менее разумного примата, на то, что только потомок такого существа мог создать столь абсурдную теорию.

После этой вереницы делает вывод: *смерть – это зеркало, что не лжет*. Герой не хочет называть само слово «смерть» и словно осекается, заменяя его *сном*: *Когда я умру, а сказать точнее, когда проснусь...* Бродский двояко обыгрывает образ сна: с одной стороны, он использует трактовку Кальдерона («Жизнь есть сон»), а с другой, сон – это воскрешение в другом мире, мире смерти.

В этой части герой ведет разговоры о самых значимых областях науки: физике, биологии, психологии, литературе. Именно здесь преобладает научная лексика.

Когда герой понимает, что борт корабля пробит, он начинает «взывать» к мощнейшей науке – физике – и упоминает самых известных ее сынов (Попова, Маркони, Эдисона, Фарадея, Эйнштейна). Герой вовсе не рассчитывает на науку: перечисление фамилий ученых и всех изобретений своего века происходит от безнадежности. Герой подчеркивает контраст: описав свой век как век великих изобретений и важных открытий, он показывает читателю, что ни одно из них уже не может помочь ему. Все тщетно. Затем он начинает со всеми прощаться, высмеивая именитых биологов, химиков и математиков, показывая, что невозможно свести всю сложность и полноту жизни к сухим законам. И осознание того, что герой больше не будет принадлежать к этому миру, словно поглощает его – он горячо прощается со всеми. Он уходит сейчас, когда мир стоит на пороге новой эры, новой цивилизации. Этот факт не исправит ни один ученый мира, ни одна наука не разрешит его участи. В противовес всему этому – судьба. В этом стихотворении, кроме прощания, поэт подводит итог не только своей жизни, но и всей эпохе.

Но основная мысль – цель послания – заключается в третьей части произведения, которая неожиданно начинается с обращения к мадам – возлюбленной героя, появляющейся как будто ниоткуда. Это признание в любви своей даме сердца. Зачем же велись столь долгие разговоры? Разговор о науке – способ для героя избежать разговора о главном, оттянуть судьбоносный момент. Герой пишет, как она являлась ему в видениях. Он помнит каждую ее черту, каждую деталь. В нем живет надежда, что письмо в бутылке окажется у ее ног. В самые напряженные и откровенные моменты любовного признания Бродский использует прием умолчания, мотивируя пропуски в тексте ремаркой: *размыто*.

Таким образом, в написанном в драматический момент жизни стихотворении Бродского тема науки, занимающая большую центральную часть текста, выполняет следующие функции. Она контрастирует лексически с основной темой стихотворения – любовью и смертью. Обращение к теме науки может показаться неуместным в подобном контексте, если бы ни тонкий психологический ход. С одной стороны, рассуждения героя на эту тему играют роль ретардации, оттягивая самый драматический и тяжелый для героя момент признания и прощания с далекой возлюбленной. С другой стороны, Бродский показывает, как ничтожны становятся все величайшие достижения человеческого разума перед личной трагедией отдельного человека.

Список литературы

Бродский И.А. Стихотворения и поэмы : в 2 т. / Иосиф Бродский. – Т. 1. – СПб. : Изд-во Пушкинского Дома ; Вита Нова, 2011. – 709 с.

Лосев Л.В. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии / Л.В. Лосев. – М. : Молодая гвардия, 2006. – 214 с.

СЕВЕРО-КАВКАЗСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО КАК ФЕНОМЕН И ТРАДИЦИЯ. АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ НОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МОДЕЛИ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО ЭТАПА АДЫГСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА

Ю.А. Яхутль

*Научный руководитель: У.М. Панеш,
доктор филологических наук, профессор (АГУ)*

Просветительство на Северном Кавказе представляет собой явление социально-культурной жизни адыгов и горских народов XIX – начала XX веков, источник исторических и этнографических сведений о народах Кавказа, духовно-нравственный двигатель процесса формирования национальной литературы, средство человеческого единения и